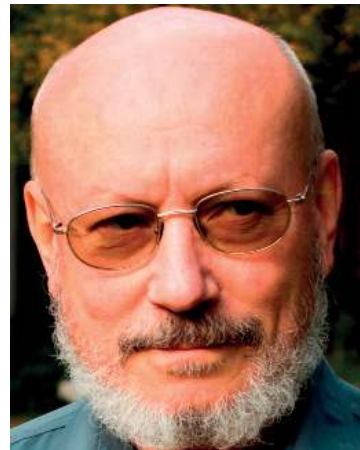

Юрий Серб

Юрий Серб (Георгий Александрович Лебедев) – родился в 1944 году в Ровенской области. В 1970 году окончил филологический факультет Ленгосуниверситета (ныне СПбГУ), после чего работал учителем английского языка, диспетчером флота, директором морского агентства, редактором издательства, преподавателем вузов, методистом дополнительного образования в доме детского творчества. Прозаик, член Союза писателей России с 1996 года, публикуется с 1989 года. Прозаические произведения печатались в журналах «Литературная учёба», «Северная Аврора», «Аврора», публиковались в сетевых изданиях «Русский переплёт», «Топос», «МолОко», «Филград». Публицистика, посвящённая главным образом вопросам защиты отечественного языка и культуры, появляется на различных интернет-сайтах на протяжении ряда лет. Автор книг: «Годовщина прошлой листвы» (1995), рассказы; «Солнце вдоль проспекта» (2009), роман; «Страна Эстремагвай» (2010), повести и рассказы.

Сопредседатель Общества защиты отечественной истории и культуры «Петроград» (<http://petrograd.livejournal.com/>). Редактор созданного в 2011 году литературно-общественного интернет-журнала «Русский часословъ». Член Рабочей группы Александро-Невского Братства по вопросам сохранения и защиты русского языка.

Я БОЛЬШЕ НЕ СИРОТА

Быль

1

Въ молодости Алексѣй быль скорѣе молчунъ, чѣмъ остѣръ, а къ старости сталъ разговорчивъ. Человѣкъ, живущій одиноко, находитъ собесѣдниковъ въ своёмъ вещномъ, вещевомъ окруженіи – не потому что впадаетъ, какъ считаютъ нѣкоторые, мало-помалу въ маразмъ, а потому что мало-помалу сдруживается съ вещами, которыхъ знаетъ какъ облупленныхъ и выходки которыхъ научается терпѣть.

Иная вещь долго любитъ на то, какъ её разыскиваетъ Алексѣй, и приходитъ въ восторгъ отъ его миролюбиво-изумлённаго «Ахъ вотъ ты гдѣ!», потому что радостью встрѣчи искупается изнурительность поиска.

Бываетъ, что поискъ можно облегчить и ускорить, если его прекратить. Такъ было съ отцовскимъ перочиннымъ ножичкомъ, гдѣ были и штопоръ, и шильце, и ножнички. Сначала на поиски ножичка была потрачена недѣля, но Алексѣй рѣшительно хотѣлъ откупорить вино отцовской реликвией, – и праздникъ (онъ уже забылъ, какой) отложился самъ собой, потому что праздничная бутылка, какъ говорили въ далѣкихъ мѣстахъ его дѣтства, тоже «накивала пятками».

Помогъ её найти переѣздъ. Дочка и зять мечтали построить домъ въ деревенской тиши, среди деревенскаго воздуха, гдѣ бы можно растить здоровыхъ дѣтей. И Алексѣй предложилъ дочкѣ продать ихъ трёхкомнатную квартиру, чтобы самъ онъ посѣлился гдѣ-нибудь въ «студіи», а они бы стали строить свой домъ на вырученные деньги.

Перетряхивая вещи и пакуя, увязывая ихъ къ переѣзду, онъ повстрѣчалъ и стреканувшую бутылку вина, и отцовский ножикъ.

А студійку подыскалъ ему зять Николаша, мастеръ на всѣ руки, стало быть – и автослесарь, но не «сапожникъ безъ сапогъ», а самъ на колѣсахъ – ему удобно было колесить по области, по адресамъ объявленій, хотя дороговато. Братъ съ собою тестя въ эти рысканья онъ отказался и честно объяснил почему:

– Это затянуть процесс. Придётся за вами всякий раз заѣзжать, а цѣны на бензинъ – сами знаете! Вы же мнѣ довѣряете, такъ? Выборъ студій – онъ огромный, а главный критерій одинъ: чтобы окнами не на югъ и не на востокъ... Я зналъ мужика, который проклялъ всё, живя окнами на юго-востокъ: полная Сахара! Если понадобится въ студіи ремонтъ, – добавилъ Николай, – то мы работы не боимся!

Самъ Алексѣй тоже рыскал, только въ Интернетѣ, кружа по картѣ области. Душѣ его мечталось поселиться то на озерѣ подь монастырёмъ, то на берегу знаменитаго Волхова, то на возвышенности у карстовыхъ пещеръ. Такія объявленія тоже были, но Николаша всё ихъ отвергъ:

– Это даль несусвѣтная: какъ мы съ Нюсей будемъ васъ навѣщать? Это разъ! А во вторыхъ, я знаю мѣста: до магазина, до врача вы не доберётесь!

Тогда Алексѣй сосредоточился на посёлкахъ вблизи Рябова, гдѣ на участкѣ Николаши съ Нюсей намѣчался ихъ будущій домъ.

Николаша былъ старше Нюси лѣтъ на восемь, а по опыту и по умѣніямъ – неизмѣримо больше. Онъ многому жену научилъ: пока жили въ городской квартирѣ, Нюся отдѣлала на свой вкусъ прихожую съ туалетомъ – всё гости ахали.

Въ итогѣ общій выборъ палъ на Градошу – ѣзды отъ Рябова полчаса, магазины, поликлиника, Сбербанкъ, а мѣсто хорошо извѣстно Нюсѣ: тамъ дѣйствуютъ конкуренты ея работодателей.

Конечно, былъ нуженъ ремонтъ: владѣлица продаваемой площади въ ней не жила; инвестиція въ эту студію имѣла для неѣ страховочный смыслъ. И никто тамъ не жилъ съ момента сдачи дома шесть лѣтъ назадъ.

А зима слякотно тащилась черезъ пень колоду, пока они втроёмъ занимались предпродажнымъ ремонтomъ своей квартиры. Участіе въ этомъ Алексѣя затруднялось его аллергіей, приобрѣтѣнной отъ врачей и фармакологовъ, сочиняющихъ лекарства съ красителями, эмульгаторами и, мерещилось ему, съ тротиломъ. Поэтому участіе его оставалось, по большей части, почти символическимъ. И всё равно – отъ старой и новой строительной пыли онъ почти накашливалъ себѣ грыжу, она ещё не вылупилась, но явно намѣтилась.

Въ мартѣ квартиру продали, Алексѣя приютила сватья, мама Николаши, въ славномъ Анниномъ-Сельцѣ, что за Краснымъ Селомъ, а Николаша принялся объѣзжать адреса въ избранной ими Градошѣ, со вниманіемъ къ направленности оконъ, къ состоянію трубъ, электропроводки и прочаго.

Такъ онъ и вышелъ на студію съ возвышеннымъ видомъ на рѣчку въ глубокой извилистой долиинѣ и на прекрасныя всегда облака.

За рѣчкой бѣжала изъ края въ край автодорога, способная увлечь созерцателя. Потомъ выяснилось, что она представляла самый зрѣлищный вариантъ въѣзда въ Градошу для пассажировъ маршрутокъ.

2

«Мама дорогая! Я будто изъ кавказской башни смотрю на горы! – восклицалъ Алексѣй, на Кавказѣ башенъ не выдавший, но читавшій о нихъ. – Рѣчка почти недвижно течётъ въ своёмъ ущельѣ, красующемся спусками, подъемами и острыми гранями.

А облака – какъ ещё одинъ горный пейзажъ, только выше онъ и дороги, и горизонта. Облаковъ отраженье въ рѣкѣ – это ещё одинъ, таинственно потусторонній...»

Онъ всегда любилъ города съ неровнымъ рельефомъ и теперь предвкушалъ много интереснаго... Только одышка мститъ его радости. Зато желанный вѣтерокъ – онъ вездѣсущъ.

Когда Алексѣй усталъ жить у сватьи ожиданіемъ конца ремонта въ студіи (тамъ трудились только дочка и зять, а его строго «не приглашали»), то послалъ дочкѣ фразу извѣстнаго юмориста: «ремонтъ нельзя закончить – его можно прекратить».

Дочка въ отвѣтъ написала: «Мы уже скоро».

Хотя Николаша обезпечилъ Алексѣя въ аннинской квартирѣ Интернетомъ и была возможность переживать войну Запада съ Россіей на Украинѣ, писать и получать письма, да и видъ изъ окна былъ лучше некуда (дѣтская площадка, качели, стадионъ, корты и полигонъ съ трамплинами для головоломныхъ самокатчиковъ), Алексѣя утомили провалившійся въ пружинную сѣтку матрасъ и угрожающе буксовавшая стратегія политиковъ.

Миновалъ 77-й День Побѣды надъ Германіей, плюсъ ещё одинъ день – и Николаша извѣстиль, что на завтра Алексѣя перевезутъ съ самымъ необходимымъ скарбомъ на новое мѣсто жительства.

Но весь его скарбь хранился в гаражѣ Николаши в заклеенных коробках – и поди-ка вспомни, гдѣ самое необходимое.

Временное пристанище Алексѣя у сватьяшки тоже ожидало ремонта, в видахъ продажи ради вложеній в будущій домъ. И главной бѣдой аннинскаго жительство было отсутствіе ванны. Совсѣмъ недавно Алексѣй узналъ в Интернетѣ народный способ подавленія экземы сь аллергіей – солевая горячія ванны сь йодомъ. В его будущей кельѣ ванна уже была в рабочемъ состояннн и опробована дочкой, такъ что были всѣ резоны поторопиться.

Но вь первыя сутки на новомъ мѣстѣ онъ былъ ещё безъ соли и безъ йода, а ночной приступъ аллергіи его безжалостно заставилъ вскочить. Онъ отыскалъ выходъ на лѣстницу, чтобы ходьбой вверхъ-внизъ разогнать кровотокъ и прогнать зудящій синдромъ. А когда вернулся, готовый снова уснуть, то вышелъ вь лоджію и выглянулъ вь окно, а увидѣнное заставило встать на стремянку: рѣчка и вся долина была заполнена молочнымъ туманомъ, медленно плывшимъ по теченію.

Неугомонные автомобили всѣ такъ же бѣжали по дорогѣ, но прежде чѣмъ вѣхаться вь низинѣ на мостъ исчезали подъ плотнымъ покрываломъ, достигавшимъ четвертаго-пятаго этажей ближнихъ высотокъ. Зелѣный архипелагъ на рѣчкѣ подъ окнами былъ тоже не видѣнъ.

«Поплыли туманы надъ рѣкой» – строка знаменитой пѣсни зазвучала вь памяти, и Алексѣй усмѣхнулся: дожилъ до сѣдыхъ волосъ, а ещё не видалъ тумановъ надъ рѣкой!

Онъ рухнулъ вь постель почти счастливымъ. На высокой берегъ, на крутой, выходила Катюша – заводила пѣсню про степного сизаго орла... Котораго любила, чьи письма берегла.

Туманы были потомъ разными во всякій другой вечерній часъ, но всегда были на зависть любому импрессионисту прошлаго, бросая вызовъ: нѣтъ, сь этимъ пейзажемъ, сь этимъ небомъ – ты меня не напишешь!

...Жена Алексѣя, мать Нюси и павшаго на Сѣверномъ Кавказѣ Павлика, пропала безъ вѣсти вь 90-е годы, извѣстные вь народѣ подъ прозвищемъ «лихихъ» и подъ именемъ «святыхъ» вь семействѣ Горбельциныхъ. Но къ тому времени была уже бывшей женой Алексѣя, повязанная другими при-
язанностями и сомнительными склонностями.

Ты всѣ видишь, мама, не разъ говорилъ Алексѣй посреди любого дѣла и занятія, теперь ты знаешь всѣ про меня.

Ты слишкомъ хорошо обо мнѣ всегда думала, а я – другой: недостойный, окаянный, многогрѣшный. Ты меня такимъ не знала. Теперь зато знаешь, страдалица моя.

Алексѣю всегда было проще сь матерью, чѣмъ сь отцомъ. Отецъ, директоръ школы, а потомъ начальникъ наробразованія вь районѣ, казался сыну сьзвала далѣкимъ и малодоступнымъ, и эта дистанція сокращалась очень медленно, хотя оба родителя любили сына вь равной степени. Когда сынъ доложилъ имъ телеграммой объ успѣшной сдачѣ вступительныхъ экзаменовъ вь институтъ – и послѣ этого замолчалъ: ни слова ни о зачисленнн, ни о возвращеннн домой, то родители встревожились не на шутку, и отецъ расплакался на улицѣ, дѣлясь тревогой со знакомыми.

Да и сь фронта отецъ, насмотрѣвшийся на раны, смерти и кровь, слалъ женѣ полевой почтой медицинскіе учебники, чтобы годовалый сынъ стал потомъ врачомъ, а не танкистомъ.

А мать, скромная лаборантка, была при дѣтяхъ каждый день, и сь подросткомъ первенцемъ Алексѣемъ дѣлилась повседневными мыслями и впечатлѣнннми. Если отцу сынъ впервые сказалъ «ты», только перейдя на второй курсъ, и выдавилъ онъ это изъ себя сь трудомъ, то сь матерью ему было всегда легко и просто.

Положеннн отца ко многому обязывало членовъ его семьи – и мать не посѣщала церковь ихъ городка, а ѣздила за сорокъ километровъ вь сосѣдннн районъ. Для отца это не было секретомъ, какъ не было и поводомъ для конфликта. Сына же, комсомольца, время колебало на подступахъ къ вѣрѣ; впрочемъ, интуитивно онъ уже вѣровалъ.

Свои дѣтскія открытн Алексѣй бѣжалъ сообщить мамѣ; сначала дѣлился планами (стать лѣтчикомъ, а не врачомъ), рекордами («я такъ быстро бѣжалъ, что вѣтеръ свистѣлъ!»), потомъ новостями науки и техники («мама, ты представляешь, что дѣлаетъ фотофильтръ сь облаками? – они выпуклые и пушистые!»).

А мать не утаивала отъ сына те похвалы вь его адресъ, что слышала отъ учителей. Сь ея стороны это было не совсѣмъ педагогично, какъ сказали бы учѣные методисты, но мать Алексѣя поступала такъ безъ малѣйшей опаски. Чутьѣ говорило ей, что ея сына похвала не испортитъ.

Вот только страсть къ чтенію сказалась на его зрѣніи, и онъ сталъ не лѣтчикомъ, а инженеромъ телеметрическихъ системъ.

«Ты моя радость!» – говорила мать не разъ въ теченіе жизни своему первенцу. При этомъ могла подѣлиться сомнѣніями и тревогами по поводу замужества дочки или чудачествъ младшего послѣдыша.

Когда же узнала о прерванной беременности жены Алексѣя, то изъ материнской груди вырвался сдавленный не то всхлипъ, не то стонъ... И не дай Богъ ей узнать объ этомъ сейчасъ побольше!

Теперь-то мама всё знаетъ. Тамъ усопшіе всё знаютъ о насъ и о себѣ. Кто не упокоень, тотъ терзается въ скрежетъ зубовъ, а кто упокоень, тотъ тихо взираетъ на Землю и благодаритъ Создателя.

Алексѣй хватаетъ куртку (на улицѣ не жарко!) и выходитъ обозрѣть ту землю, что ему досталась.

3

Возвращаясь изъ ближайшаго центра искусствъ и ремѣсель подъ вывѣской «Строймаркетъ», онъ медленно приближается къ своему дому (длинное зданіе въ 15 этажей на самомъ берегу рѣчки) и замѣчаетъ, что облака чуть-чуть не достаютъ до карнизовъ и крыши. «Потому что на высококомъ мѣстѣ домъ стоитъ, облака любятъ на высокихъ горкахъ собираться!»

У насъ высотные дома – небоскрѣбы (переводъ съ американскаго sky-scrapers), и, если бы укропитековъ предупредили, что это съ американскаго, они могли бы оставить себѣ нэбоскрэбы, не стали бы изобрѣтать хмарочёсы... Это не сдѣлало бы ихъ новую мову хуже, да и пѣсня не пострадала бы: въ малоросскихъ пѣсняхъ нэбоскрэбовъ нѣма.

И остатокъ пути до дома Алексѣй размышляетъ о родинѣ и о государствѣ. Не далѣе чѣмъ вчера онъ въ записи смотрѣлъ концертъ Михаила Задорнова, и тамъ сатирикъ обмолвился, что родина и государство – не одно и то же. Это мы понимаемъ! – говоритъ Алексѣй. Но когда государство призываетъ насъ на защиту Отечества, то родина и государство (какимъ бы оно ни было) сливаются въ Отецествѣ, которое – Родина. И тогда уже Побѣда можетъ помочь измѣнить къ лучшему и государство.

Государство всюду по-современному безбожно, его «папахень» – чемпионъ безответственности Троцкій, богоданнымъ отчимомъ сталъ ему Сталинъ, а мама Ленинъ умерла при родахъ. Теперь у насъ повсюду правнуки Троцкаго (понаѣхали) – въ центрахъ принятія рѣшеній. И не только у насъ. И не только въ центрахъ: въ исполнителяхъ рѣшеній тоже кишмя кишать.

Но великій экономистъ-политологъ-предсказатель, который тоже правнукъ, обѣщаетъ, что вотъ-вотъ верховный главнокомандующій сдѣлаетъ *львый поворотъ* къ справедливости и помѣняетъ верхушку гоцудайства... Только справедливость лѣвой не бываетъ, и лѣвый патріотъ – это немислимая чепуха. Какъ говорила бабушка Ленинъ, не пережившая родовъ нашего новаго міра, это учёный песокъ въ глаза рабочимъ и крестьянамъ.

Ну вотъ онъ и дома. Прогнозъ погоды обѣщаетъ завтра дождь. Завтра Алексѣй ѣдетъ къ стоматологу въ Питеръ, а у него ни плаща, ни зонта: ещё не всѣ его вещи въ коробахъ доставлены по новому адресу.

Когда-то мать рассказывала, какъ въ юности её поставили читать псалтирь надъ покойницей.

«Боже! Какъ это я, такая грѣшница, и буду читать псалмы надъ уважаемой усопшей?! Боже, дай мнѣ знакъ, можно ли мнѣ на такое отважиться...»

И, по словамъ матери, словно кто-то трижды ударилъ мѣшкомъ сѣна въ ея дверь.

«И тогда я поняла, повѣрила, что это знакъ разрѣшающій. И читала псалмы всю ночь...»

4

На рѣчкѣ, надъ долиной – всегда вѣтеръ, вѣтрище. А у торца дома, между зданіями – аэродинамическая труба.

Зато вся рѣчная долина – въ пышной зелени: склоны усѣяны купами шарообразныхъ кущей. Въ пору цвѣтенія черёмухи, одинъ такой шаръ свѣтился среди ночи какъ жемчугъ.

А синоптикъ, грозившій затяжнымъ дождѣмъ, обманулъ. Дождикъ едва побрызгалъ, и путешествіе къ стоматологу въ Питеръ прошло безъ замѣчаній. Теперь стоитъ жара, двадцать восемь градусовъ, и Алексѣй впадаетъ въ солнечное дѣтство. Въ его памяти дѣтство навсегда связано съ ослѣпительнымъ свѣтомъ, отражѣннымъ отъ утрамбованной босыми ногами, выбѣленной зноемъ земли. И всегда на этой землѣ что-то сверкаетъ: стекло, монетка или сказочный ключикъ неизвѣстно отъ чего, чтобы

потомъ вспоминаться всю долгую жизнь. Монета запомнилась своимъ блескомъ и надписью Drei Mark, а была ли эта потеря значительной для оккупанта, ни тогда, ни сейчасъ Алексѣю не интересно.

Зной теперешнему Алексѣю уже никакъ не брать. Но Алексѣй бросаетъ ему вызовъ: идѣть совершать географическія открытія, вѣдь онъ ещё мало знаетъ городишко, который долженъ стать ему роднымъ уже до послѣдняго вздоха.

Только несправедливо называлъ онъ Градошу городишкомъ: городокъ живописенъ, можетъ похвалиться собственнымъ «Пассажемъ», наличіемъ мебельнаго салона и строймаркета, променадомъ курортнаго вида, который называется Советскимъ проспектомъ и не только обсаженъ вязами, липами, берѣзами, но и обставленъ деревянными диванами для отдыхающихъ... Многіе жители, посиживая на скамьяхъ съ телефонами и, пардонъ, съ гаджетами, выглядятъ вполне курортниками.

Ему уже нравится перспектива доживать свой вѣкъ въ градошинской кельѣ, глядя изъ лоджіи на закатъ, на звѣзды или на молочный туманъ надъ рѣкой.

А то съ балкона у общей лѣстницы глядѣтъ на дѣтскую площадку, вспоминая, какъ самъ онъ, старшекласникомъ, возился съ сосѣдской дѣтворой, катая ихъ на себѣ какъ на верблюдѣ, крутя ихъ какъ на качеляхъ или катая на велосипедѣ...

Потомъ будетъ возвращаться къ себѣ и глядѣтъ на закатный горизонтъ: провожать ночные самолѣты, уходящіе на востокъ большой страны, вызывающей зависть и ненависть недоброй половины міра.

Назавтра Алексѣй отправился открывать пока непознанную Градошу.

Изъ автобуса онъ видѣлъ большія буквы «РЫНОК» на возвышенности, гдѣ смотровая площадка съ памятной стелой о рубежѣ обороны въ прошлую Отечественную, а рядомъ съ новой высоткой строятся стоятъ одноэтажки, построенныя явно нѣмецкими военноплѣнными семьдесятъ лѣтъ назадъ. Стелу Алексѣй уже оцѣнилъ, а на площадку подымается впервые.

О!.. Пріятная неожиданность: журчитъ фонтанъ у входа въ рынокъ. Фонтанъ каскадный, по его ступенямъ сбѣгаетъ вода, сверкая на солнцѣ. «Сюрпризъ такъ сюрприз!» – довольно думаетъ Алексѣй. И конечно, идѣтъ знакомиться не съ рынокомъ, а съ фонтаномъ. Тотъ сложенъ изъ мѣстнаго плитняка, и это тоже отвѣчало его вкусу.

Взглядомъ онъ прослѣдилъ весь путь журчащей воды – и внизу, гдѣ былъ водопріёмный бассейнъ, Алексѣй будто споткнулся... Половина площади бассейна, у водоспуска, была спелѣнута грязно-бѣлой коркой пѣны съ палецъ толщиной.

Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!

Алексѣй стоялъ и не зналъ: онъ потрясѣнъ – или ещё нѣтъ. Это же тотъ самый водопроводъ, изъ котораго онъ тоже... такъ вотъ почему, когда онъ выпилъ въ Градошѣ полстакана воды, профильтровавъ её черезъ «Аквафоръ», ему обсыпало предплечья аллергическимъ зудомъ.

Совсѣмъ другая вода была въ Анниномъ – просто вкусная вода безъ послѣдствій!.. А тутъ?!.. Впервые тутъ пострадавшій, онъ тогда и понялъ не сразу: сталъ грѣшить на булочку «свердловскую» – то на фамилію, а то на глютенъ...

Вотъ теперь онъ уже потрясѣнъ. Какъ человѣкъ разсѣянный, онъ побрѣлъ туда, куда намѣревался – къ рынку, но уже не зналъ, зачѣмъ туда идѣть.

Въ полномъ согласіи съ мироощущеніемъ человѣка земля потемнѣла и начался дождь: состоялось отложенное исполненіе прогноза.

– Ну ты, братъ, попалъ! – говорилъ онъ себѣ, идя домой подъ крѣпчавшимъ дождѣмъ, переживая нечаянное открытіе, – будешь теперь золотушнымъ до конца своихъ дней!

И дождь пошѣлъ съ утроенной силой, но почему-то вѣтеръ не пересталъ. «Мѣсто высокое! – вспомнилъ онъ. – На юру!»

Пока ещё не всѣ его вещи переѣхали вслѣдъ за нимъ изъ Николашина гаража, это касалось и плаща съ зонтомъ.

Внезапно упавшая тьма и удары холоднаго дождя мигомъ превратили Алексѣя в мокрую ледышку, а когда онъ подходилъ къ дѣтской площадкѣ въ своёмъ дворѣ, на него посыпался градъ. И онъ воскликнулъ въ душѣ съ небывалой искренностью:

– Мамочка, посмотри на меня!

Послѣдніе метры къ своему подъѣзду онъ проскакалъ, не жалѣя захромавшей ноги. Мокрый, холодный и голодный, въ лифтѣ онъ силился вспомнить, что у него находится въ холодильнике. Ни о какомъ магазинѣ думать было нечего.

Обнаружив одну нераздѣланную селѣдку, онъ чертыхнулся, но съ хлѣбомъ, слава богу, былъ порядокъ.

Возясь съ рыбьей кожей и внутренностями – то ещё занятіе! – онъ взглядомъ зацѣпилъ столешницу и, можно сказать, обомлѣлъ: съ мелкаго квадратика фотографической бумаги на него смотрѣла мать.

Неровно обрѣзанное фото для документовъ, необычно крохотное, два на полтора, показалось ему прежде незнакомымъ, невиданнымъ: красавица мать выглядѣла старше, черты ея казались крупнѣе и суровѣй. Но какъ оно могло оказаться у него подъ рукой и въ такомъ мѣстѣ? – не изъ рукава же... Да и былъ онъ уже переодѣвшись, въ безрукавкѣ.

И мелкій такой фотоформатъ для документовъ былъ ему неизвѣстенъ!

Это мама услышала меня! Какой другой можетъ быть ещё выводъ? Если Тихвинская икона могла прийти по водѣ, то мамино фото прилетѣло какъ по воздуху.

Когда онъ ѣздилъ на кладбище къ ея могилѣ, она всегда старалась сократить ему ожиданіе автобуса. Онъ это ощущалъ. Между матерью и сыномъ всегда была душевная связь. Узнавъ о какой-нибудь потребности сына, мать всегда предлагала свою помощь. Точно такъ же исполняла она пожеланія и прихоти мужа. Но нѣтъ, не точно такъ же. Мужу угождала мать по евангельской заповѣди, сыну она бросалась помочь по материнской любви. «Ты моя радость!» – говорила мама. А онъ, тупица, чурбанъ, ничего не говорилъ въ отвѣтъ. Почему онъ молчалъ? Принималъ это какъ должное – или то была наслѣдственная, материна черта? – отмалчиваться, какъ отмалчивалась смущѣнная мать, когда къ ней прибѣгала какая-нибудь кумушка со жгучей сплетней.

– А вотъ вы, Михайловна, развѣ только съ мужемъ живѣте?.. Ну и скучная жизнь у васъ, вотъ что я вамъ скажу!

Мать передала этотъ выводъ кумушкѣ сыну, и онъ опять ничего не сказалъ: этого не требовалось ни ему, ни ей.

Отецъ былъ и на службѣ и дома – начальникомъ. Поучалъ, внушалъ, командовалъ. Мать убѣждала отъ его поученій, онъ шѣлъ за ней слѣдомъ. Она пряталась въ кухнѣ, но дверь была безъ замка: отецъ входилъ – и продолжалъ... Наконецъ, по просьбѣ матери, Алексѣй сдѣлалъ ей крючокъ на кухонной двери, чтобъ она могла запирается. Отецъ, надо отдать ему должное, буяномъ не былъ, дверь не вышибалъ, а, бормоча, уходилъ.

Какъ-то гостилъ у нихъ дядя отца, Алексѣй Петровичъ изъ Липецка. Пробылъ безъ малаго недѣлю, а увидѣлъ много. Почему-то провожала его мать, а не отецъ. И на прощанье Алексѣй Петровичъ матери сказалъ:

– Ты, дочь, слишкомъ много на себя берѣшь. Не надрывайся такъ, побереги себя.

А между матерью и сыномъ не было секретовъ. То, о чѣмъ говорилъ Алексѣй Петровичъ, сынъ видѣлъ и наблюдалъ много лѣтъ, если былъ не съ книгой и могъ замѣчать окружающее. Помогалъ матери изрѣдка; а слѣдовало чаще. Приносилъ воду отъ водоразборной колонки, доставлялъ керосинъ для керогаза – изъ лавки на другомъ концѣ городка, и, когда мать шла на картофельный участокъ, онъ шѣлъ съ нею. Сестра была ещё мала. Въ южныхъ городкахъ работникамъ организацій нарѣзали дѣлянки за городской чертой для овощей и картофеля.

Теперь онъ знаетъ, сколь мизерна была его помощь. Особенно теперь, перечитывая материны письма тридцатилѣтней давности.

На протяжении его студенчества мать ежемѣсячно присылала сыну ещё одну стипендію. Сынъ, школьный медалистъ, долженъ былъ оставаться отличникомъ и въ дальнѣйшемъ. Гордость матери произрастала изъ прошлаго, надежда была неотдѣлима отъ сыновьяго будущаго – и не была обращена на собственное будущее матери, на ея старость. Это читалось легко между материныхъ строкъ.

Сыну, когда онъ сталъ отцомъ семейства, не приходило въ голову, что надо бы послать матери – тогда уже вдовѣ – и посылать хотя бы иногда, хоть половину той стипендіи, что поступала отъ матери. Но нѣтъ, онъ не удосуживался это сдѣлать. Единственное, чѣмъ отличился за всю жизнь, такъ это отправилъ ей ненужный подарокъ, хотя и купленный для неѣ: ожерелье индійскихъ самоцвѣтовъ, котораго на матери ни разу такъ и не увидѣлъ. Конечно, она отвезла его въ пожертвованье храму.

И черезъ сорокъ лѣтъ, когда сынъ взялъ мать къ себѣ, онъ ещё не сознавалъ этой своей ущербности. Осознаніе пришло, когда стало невозможно что-либо исправить.

Когда мать доживала послѣдніе годы, а лучше сказать – мѣсяцы, у сына и внуки, когда-то ею вынужденной, их посѣтили гости – супруги Бязевы. Самъ Бязевъ былъ преуспѣвающимъ коллегой Алексѣя – какъ сталъ понимать чуть позднѣ Алексѣй, изъ племени орденосцевъ-проходимцевъ. Онъ всегда раздѣлялъ мнѣніе собесѣдника, съ которымъ на данный моментъ общался, чтобы перейти въ любой моментъ на сторону очередного собесѣдника.

Бязевы пріѣхали, потому что такъ захотѣла Свѣтлана, подбивавшая клинья къ Алексѣю... Но тугодумъ Алексѣй сообразилъ и это гораздо позднѣ.

А тогда мать удивила и гостей, и Алексѣя, назвавъ его «ангельскимъ сыномъ». Она ещё не заговаривалась тогда, но какъ-то вдругъ возвела Алексѣя въ несуществующій чинъ. Бязевъ угодливо хихикнулъ, а Бязева задержала на Алексѣѣ изучающей взглядъ.

Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ визитомъ Бязевъ себя скомпрометировалъ въ глазахъ Алексѣя, занявъ неприемлемую жизненную позицію, и знакомство ихъ прекратилось. Жить матери оставалось уже недолго, Бязевъ смѣнилъ свою національность по случаю получения Государственной преміи, дочка Нюся поступила на платное отдѣленіе вуза, и Алексѣю предстояло зарабатывать всюду, гдѣ только можно себя не запятнать: преподаваніемъ въ колледжахъ и въ частныхъ «академіяхъ».

Къ тому времени онъ твёрдо зналъ уже, что мать его – святая.

5

О водѣ давно говорятъ и пишутъ, что будущія войны пойдутъ за эту драгоценность, – но что дѣлать Алексѣю съ градошинскимъ водопроводомъ?

И Алексѣй ловить себя на томъ, что градошинской водой не умывался уже два дня, моетъ только руки. Лицо онъ обтираетъ настойкой чистотѣла – средствомъ отъ аллергии.

Онъ теперь серьёзно рѣшаетъ свалившуюся на него проблему. Для жизни въ этомъ симпатичномъ, но опасномъ городѣ нужно выработать особый режимъ поведенія. О коварная Градоша, ты недаромъ женскаго пола, то бишь рода!.. (грамматическаго)

Особая печаль, что овощи и фрукты надо мыть. Понадобится много покупной воды. Придѣтся всё-таки мыть подъ краномъ, а потомъ вытирать плоды бумажными салфетками, удаляя ядовитую воду. Туалетной бумагой вытирать – такъ дешевле. Мелкія плоды, вроде сливъ, можно омыwać во рту слюной – потомъ её тщательно сплёвывать.

А мытьё посуды? Чашки можно не мыть, если выдѣлать отдѣльную чашку на каждый напитокъ: чай, кофе, молоко, цикорій... Сушить ихъ въ опрокинутомъ положеніи – и всё. Мыть ихъ разъ въ недѣлю при необходимости. Ложки, ложечки – не мыть, а облизывать. Въ ожиданіи гостей всё нужно мыть – это да.

Чистить зубы – тоже покупной водой. Которая, къ сожалѣнію, дорожаетъ. Въ случаѣ полосканія щѣтки водопроводной водой – переполаскивать обязательно чистой. Въ случаѣ неомовенія лица трое сутокъ подрядъ – протирать его тампономъ съ настойкой чистотѣла или перца чили, не допуская попаданія въ глаза.

И въ этомъ ничего нѣтъ зазорнаго – вонъ даже великоумныя вожди Евросоюза призываютъ избирателей мыться порѣже, хотя причины у нихъ свои, особыя.

Но это всё походило на жизнь человѣка изъ подполья, по Достоевскому. Или на жизнь нелегала во враждебномъ государствѣ.

Алексѣй смотрѣлъ на молодыхъ родителей съ дѣтьми, гуляющихъ по бульвару, и спрашивалъ себя, знаютъ ли родители, въ какой средѣ растутъ ихъ дѣти? И сколько какихъ болячекъ будетъ у дѣтей ещё до того, какъ они проводятъ родителей въ міръ иной?

Онъ видѣлъ въ Градошѣ нѣкій процентъ заболѣваній суставовъ и подозрѣвалъ примѣрно столько же болѣзней обмѣна веществъ.

Въ очереди къ кассѣ универсама передъ нимъ стоялъ парень съ татуированной шеей и терзалъ себѣ красный локоть и предплечье: его мучилъ зудъ, Алексѣю хорошо знакомый. Ничего страннаго, если не то что воду не очищаютъ отъ ядовъ, но ещё добавляют яды въ булочки и колбаски.

Ужъ на что безобидными казались Алексѣю баранки съ макомъ: ничего страннаго въ нихъ не было, кромѣ ацетата кальція (ему припомнилась майка ацетатнаго шёлка, съ пріятностью носимая въ дѣтствѣ) – а вотъ поди жъ ты, чесался онъ послѣ этихъ баранокъ въ тотъ же вечеръ. Организмъ уже не тотъ, сказалъ онъ себѣ. Въ нёмъ уже столько медиковъ копались и чѣмъ только ни поливали мои грядки.

– Ты прежде сквернословомъ не былъ, – говорить ему мама.

Она не восклицаетъ, не упрекаетъ, просто говоритъ, констатируетъ.

– Мамочка, да какъ же въ старости прожить безъ чертыханія и сквернословія. У меня вещи отъ рукъ отбились, цѣпляють, валятся изъ рукъ или прячутся, гады: ищи-свищи!

Она же это знаетъ. Зачѣмъ онъ это ей рассказываетъ?

– Твой отецъ и въ старости не сквернословилъ.

– Ну, такъ при нёмъ была ты, и онъ – на всѣмъ готовомъ...

Мать не отвѣчаетъ, какъ молчала всегда на откровенія прибѣгавшихъ къ ней распираемыхъ новостью сплетницъ.

– Я буду исправляться! – общается онъ.

Она опять не отвѣчаетъ. Тамъ они всё знаютъ лучше насъ: не исправится онъ!

«Есть профессіи, гдѣ матомъ просто разговариваютъ!» – держитъ онъ на языкѣ слышанную цитату, но сказать этого не можетъ.

– Не обижай меня и Пресвятую Матерь Божію! – тихо произноситъ мать.

И словно вѣтеръ толкаетъ его въ грудь и бьётъ по щекѣ.

Онъ удивлёнъ: вѣдь тамъ, гдѣ мама, вѣтра не бываетъ! Но тутъ же понимаетъ, сколь неумѣстно его удивленіе.

– Ты давно живёшь на новомъ мѣстѣ, а въ церкви ещё не бывалъ! – помолчавъ, добавляетъ мать.

– Давно? – удивляется сынъ. – Но, если ты это говоришь – значить, давно.

Озабоченность Алексѣя проблемой воды сдѣлала его менѣе открытымъ для новыхъ впечатлѣній. И всё же къ вопросу воды прибавилось какое-то странное ощущеніе чего-то ещё... Такъ бываетъ, когда что-то хочется вспомнить, но никакъ не удаётся хотя бы понять, что это было – промелькнувшее и забытое. Это тяжко висѣло въ душе – уже, навѣрно, третій день.

День и ночь тоже сошли съ катушекъ и обрывочно перепутались, потому что обострилась аллергия и онъ вскакивалъ по ночамъ къ спасительнымъ снадобьямъ.

Въ такую минуту онъ посмотрѣлъ на себя въ зеркало ванной комнатки, затѣмъ рука его коснулась шеи – и въ прикосновеніи что-то было необычное. Не было натѣльнаго крестика!

Вотъ эта пустота подспудно ощущалась имъ какъ тяжесть, невозможность что-то понять или вспомнить. Такъ, вѣроятно, подумала мать во время ихъ бесѣды: креста на нёмъ нѣтъ. Молча подумала, безъ восклицанія, безъ движенія воздуха. Это наши здѣшнія чувства могутъ достигать упокоенныхъ душъ, но не тамошній покой абсолютнаго знанія способенъ пробить нашу скорлупу.

Не она ли тѣмъ самымъ и сняла съ него крестикъ? Но Алексѣй отогналъ эту эфемерную мысль и сталъ искать оторвавшійся крестикъ. Даже не оторвавшійся – онъ съ цѣпочкой пропалъ. Мистика, мистика, бормоталъ онъ упавшимъ голосомъ. Лихорадочно воссоздавалъ алгоритмы своихъ перемѣщеній по дому: гдѣ, въ какой моментъ и въ какомъ положеніи собственнаго тѣла могъ онъ протискиваться, нагибаться и какъ могъ потерять крестикъ... Поминутно вскакивалъ и бѣжалъ въ какой-нибудь уголь, заглядывая въ щели и желая въ нихъ пролѣзть... Всѣ было напрасно. Изъ пакетовъ и коробокъ, ещё не распечатанныхъ, онъ извлѣкъ иконы и сталъ укрѣплять ихъ на восточной стѣнѣ, чтобы помолиться о возвращеніи крестика.

А не схожу ли я съ ума? – пугался онъ въ иную минуту, когда вмѣсто гвоздя ударялъ молоткомъ по пальцу.

Шѣлъ уже девятый или десятый день его поисковъ и терзаній. И онъ отрѣшенно отправился въ церковную лавку – купить алюминіевый крестикъ вмѣсто утраченнаго серебрянаго.

Вещи вообще отъ него сторонятся, исчезаютъ, издѣваются надъ нимъ. Но крестъ – развѣ это обычная вещь? Никакъ. Тогда за что?..

И его ожигаетъ стыдъ отъ этого вопроса: слишкомъ онъ похожъ на вопросъ изъ украинскаго анекдота... «Пишлы быты москалів! – А якшо вони насъ побьють? – А насъ за шо?!»

Почти детективный сюжетъ случился, когда Алексѣй съ Николашей грузили коробки в машину зятя, высвобождая квартиру для предпродажнаго ремонта. Детективный?.. Алексѣю думается – всё же мистическій.

По ихъ съ Николашей недосмотру всё случилось – это детективная сторона: какъ, изъ-за кого и чего, кто виновать... А мистическая сторона обнаружится, когда ему будутъ доставлены всё коробки (кромѣ пропавшей), и тогда обнаружится смыслъ пропажи.

Алексѣй относилъ коробки к машинѣ, а Николаша, накануне потянувшій мышцы спины, въ этомъ не участвовалъ, но периодически спускался туда же и ставилъ коробки въ салонъ. Эти перемѣщенія Николаша чередовалъ съ погруженіемъ въ Интернетъ: что-то его тамъ интересовало. И вотъ Алексѣй отнёсъ коробку номеръ пять, поставилъ её подъ дверь «Лады» и поднялся на лифтѣ домой: Николаша сидѣлъ у монитора. Он отдавалъ себѣ отчётъ, что тестъ что-то ещё относилъ (такъ думалось Алексѣю), но убѣдиться въ томъ, что зять ещё спускался къ машинѣ, онъ не удосужился, да и кто бы сталъ воровать среди ночи коробку изъ-подъ дверцы автомобиля?

Наутро коробки на мѣсте не было, но не потому, что Николаша болѣе не отрывался от Интернета, а по какой-то другой причинѣ.

Что могло быть въ той коробкѣ, Алексѣю неизвѣстно по сей день. Коробки ему подвозятъ по частямъ – то зять, то Нюся. Вотъ когда всё привезутъ, тогда Алексѣй, возможно, сообразить, что было кѣмъ-то украдено, а можетъ – и не украдено, а изъято высшими силами... допустимъ, въ цѣляхъ сугубо воспитательныхъ.

Напримѣръ, золотая медаль «За відмінне навчання та зразкову поведінку»... какъ памятникъ мѣртовой «мовѣ», на которой никто не говоритъ. И на которой писалъ интересный писатель Коцюбинскій, пріятель Максима Горького. Но первый былъ въ «трендѣ» тогдашней политической моды, недаром и сынъ его сталъ «краснымъ командиромъ». А про Горького всё понятно давно, по крайней мѣрѣ – Алексѣю.

Мама гордилась его медалью больше, чѣмъ сынъ.

Тамъ, гдѣ мама, на мовѣ не читаютъ, Тамъ даже не имѣетъ хожденія слово «сейчасъ». Тамъ – ныне и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Чёрная бревенчатая лавка была в углу церковнаго двора, а у крыльца бревенчатой церкви о чёмъ-то судачили двѣ сѣдовласыя женщины. Алексѣй занёсъ ногу на приступку у входа въ лавку, и женщины направились къ нему.

– Здравствуйте! Хочу купить у васъ натѣльный крестикъ!

– Здравствуйте! Проходите, пожалуйста!

Женщины вошли вслѣдъ за нимъ.

– Вамъ какой?.. Серебряный?

– Я недостойнъ носить серебряный.

– Вонъ вы какъ мыслите!.. А что такъ?

– Потерялъ гдѣ-то дома крестикъ, никакъ не найду.

– Ну вотъ вамъ, смотрите... выбирайте.

Выбранный имъ крестикъ былъ слишкомъ лёгокъ, чтобы покупать цѣпочку; ему женщина предложила «верёвочку», и онъ сталъ вспоминать, но не вспомнилъ правильное слово...

– А кто въ церкви настоятель?

– Отецъ Александръ. Вотъ сегодня будетъ акафистъ въ семнадцать часовъ, приходите, увидите...

– Спасибо. Приду.

– Часикъ погуляете...

– У меня ещё дѣль минутъ на сорокъ...

– Ну вотъ и хорошо.

Тамъ же во дворѣ онъ сталъ въ тѣнь у стѣны и приложился губами къ крестикъ, перекрестился на купольный крестъ и надѣлъ новый крестикъ на шею. «Шнурокъ!» – вспомнилъ онъ забывшееся слово. Да, шнурокъ.

Отецъ Александръ оказался крупнымъ мужчиной примѣрно одного съ Алексѣемъ возраста и облика. Онъ читалъ акафистъ нараспѣвъ и достаточно внятно, ему вторилъ молодой диаконъ.

Нѣсколько женщинъ и Алексѣй дружно крестились въ надлежащіе моменты, а когда всё опустились на колѣни – это застало Алексѣя врасплохъ; онъ обнаружилъ, что проворства въ его членахъ какъ не бывало. Подымался тоже какъ отстающій.

И походка его, по пути домой, ему не нравилась. «Не похожъ ли я на пьянаго?»

Что съ нимъ происходитъ? – задумался онъ. – И почему? И наконецъ, хорошій ли я человекъ?

Въ советское время на профессиональных совещаниях эти два понятия всегда противопоставлялись: – Профессиональ из него никакой. – Зато человек хороший!

– Хороший человек – это не профессия!

Зато сестра Алексея, жалуясь брату на эгоизм единственного сына, ссылалась на авторитет их матери:

– ...Да и мама наша когда-то меня осторожно, робко спросила, а уж её пронизательностью Бог не обидеть: «Как ты думаешь, Ритуля, наш Виталик – человек хороший?» А ведь наша мама зря не спросить!

Теперь Алексею маму не спросить. Она теперь-то всё о нём знает.

Как профессиональ, Алексей борозды не портил. А как человек, он был не склонен к компромиссам. Недаром как-то Женя Лопухин ему сказал: «Суров ты, брат, суров!» – хотя улыбался при этом. Алексея это никак не задло: суров так суров, уж какой есть. Он знал, что может быть и мягко, да всё не было случая. И если он, в постсоветское время, откликнулся на объявления в «Русском вестнике» или в «Русской весне» и посылал какие-то деньги Донбассу или русской семье в Казахстан, то отнюдь не ставил это себя в заслугу, столь уж хорошим себя не ощущал.

Входит он однажды в приёмную начальника управления, секретарша Наташа смеётся... В чём дело? А это он поднял с пола смятую бумажку.

– Я два часа уже наблюдаю: кто-нибудь её поднимет?

Он смутился и не спросил тогда – не Наташа ли умышленно бумажку подкинула. И поднятие сора – ещё не повод считать себя хорошим человеком.

Всё познаётся в сравнении, говорил он себе. Но познаётся – тоже не вполне.

В школе он был хорошим учеником, даже отличником, мама слышала о нём только хорошее – но был ли он хорошим сыном? А был ли я потом хорошим отцом? И был ли я хорошим человеком?

Не зна-а-аю!!! Помилуй, Господи, меня недостойного!

8

«Если я сопереживаю детям и родителям Градоши и помалкиваю, то это не дёлает меня человеком хорошим. Потому что не иду к губернатору... не дёлаю иных завёдомо бесполезных попыток... и даже родителям этих детей ничего не советую.

А просто иду в Градошу дёлать мелкие географические открытия.

Поскольку надо получить бандероль из города Ижевска. Алексей ошибся с индексом, когда сообщал свой новый адрес. Почтовых отделений в Градоше оказалось целых два. Надо идти на Первомайскую, 3. Без ошибок ничего не бывает.

По пути на правильную почту он обнаружил внушительное здание, отдалённо похожее на Большой театр, и рекламный щит оповещал, что ведутся работы по благоустройству территории перед городским Домом культуры. И работы действительно шли полным ходом. Но поскольку он был озабочен поиском Первомайской улицы с почтовым отделением, то больше не дёлал никаких открытий по пути туда, а вот на обратном пути он был свободен и не мог не замечать естественных красот. Тем больше что шёл он теперь по краю проспекта, ближайшей к реке. Его остановило тёмно-бурое деревянное здание с буквами ТРАКТИРЪ по краю крыши, явно тосковавшее по клиентам. Здание буквально нависало над крутым склоном, спадающим к реке, и вид изнутри, из окон трактора, должен был впечатлять. Но и прямо со склона, глядя вниз на реку – это была его река! – Алексей стоял несколько минут, не желая уходить. Ровная гравийная площадка для автомашин продолжалась над обрывом обширным свайным основанием для другого здания. Ему показалось: дерево, но вблизи он увидел, что это сталь – под жёлтой краской и ржавчиной.

Женщина, вышедшая из трактора, он сказал:

– Здравствуйте! Вот, люблю ваш пейзаж!

– А вы художник? Рисуете?

– Нет. Просто люблю. (И дал себе слово прийти сюда с камерой.) А это будет расширение заведения? – он указал на свайный фундамент.

– Мы не знаем, чьё это, – неопределённо отвечала женщина.

Онъ не сразу усомнился въ честности ея отвѣта.

– Вообще ваше мѣсто перспективное, – сказала онъ ей. – Если бы не градошинскій водопроводъ.

Вы же видѣли воду въ фонтанѣ?

– Да, – сокрушённо подтвердила она.

– Надо ставить вопросъ объ очистныхъ сооруженіяхъ...

– Ой, – махнула та рукой, – всё распилять, распихають по карманамъ...

– Но жить тогда какъ?

Видимо, ихъ разговоръ кому-то показался слишкомъ продолжительнымъ: из глубинъ помѣщенія вышелъ на крыльцо мужчина, котораго Алексѣй опредѣлили азербайджанцемъ.

– Здравствуйте, – привѣтствовалъ его Алексѣй. И, обернувшись къ женщинѣ, сталъ прощаться:

– Спасибо вамъ за бесѣду! До свиданья!

Шагая дальше, онъ бормоталъ, какъ двѣ поговорки: распихають по карманамъ, а подъ лежачій камень... распихають по карманамъ... а подъ лежачій камень вода не течётъ...

Затѣмъ, читая вывѣску «Выпечка ручной работы», онъ задалъ вопросъ въ никуда: «А ваша вода – откуда?»

Нѣтъ, нѣтъ, спасибо. Ужъ лучше массовое, привозное, но не ваше.

Назавтра было Семнадцатое Июля, и въ храмъ царя-мученика Николая былъ престольный праздникъ.

А послѣ полудня позвонила дочка и привезла ему нѣсколько коробокъ.

– Очень радъ тебя видѣть, доча. Хорошо выглядишь, молодець. Въ прошлый твой пріѣздъ ты выглядѣла измождѣнной. Чѣмъ вы заняты сейчасъ?..

Это онъ намѣкаетъ, что пора бы закончить съ подсоединеніемъ кухонной раковины. Поскольку отецъ ихъ поторопилъ своимъ переѣздомъ, этого тогда не сдѣлали.

Дочка простодушно сообщаетъ, что заняты кой-какими работами на рябовскомъ участкѣ, готовятъ его къ строительству дома.

Значить, надо будетъ повторить вопросъ, или намѣкъ, по почтѣ.

– А у насъ былъ престольный праздникъ: 104 года со дня убіенія Царской Семьи.

– Какъ-то странно праздновать убіеніе...

– Это – память. Всѣ церковныя даты, праздники – это память. Па-а-мать!

Ну, рано или поздно, они это сдѣлають – раковину въ кухнѣ. Онъ не ропщетъ.

Онъ ждѣтъ очередного июльскаго ливня – и соберѣтъ немного дождевой воды. А пока что смотреть на долину, на высокій берегъ съ автодорогой – и знаетъ уже, что линія домиковъ, косо уходящая къ лѣсу, стоитъ не на другомъ берегу, а всё на томъ же – правомъ, на его, Алексѣя, берегу... Потому что рѣчка дѣлаетъ петлю сразу отъ моста и поворачиваетъ къ югу, огибая высокую зелёную гряду съ дорогой, а потомъ опять течётъ къ сѣверу – вдоль шеренги этихъ домиковъ. Міръ болѣе понятенъ теперь.

И Алексѣй почти счастливъ. Въ «новыхъ» вещахъ изъ коробокъ онъ нашёлъ старую записную книжку, а въ ней строку изъ Есенина: «... всё любя, ничего не желать». Самая русская строчка нашей поэзіи.

А съ полки уже смотреть на него книга: Н. Н. Страховъ. «Міръ какъ цѣлое». Онъ будетъ её читать, обязательно.

А ночью былъ сонъ, гдѣ будто хоронили Алексѣя. И одинъ неузнанный другъ другому говорить: «У него всё хорошо. Онъ умеръ».

И онъ смотритъ на высокую зелёную гряду... О міръ какъ цѣломъ ещё не читаль, но кое-что знаетъ: всё любя – ничего не желать; украинцы, какъ хорваты, только тѣ – на Балканахъ; въ Градошѣ рано или поздно построятъ водоочистку; церковный праздникъ всегда какъ память, а родители Алексѣя общаются – и сообщаются въ нѣмъ, здѣсь.

Ему хочется думать, что Тамъ они могутъ видѣться... Онъ оборачивается къ монитору за новостями и оторопѣло смотреть на клавиатуру, изъ-за которой поплѣскиваетъ серебряная цѣпочка; подвинувъ клавиатуру – или потянувъ цѣпочку (онъ дѣйствій своихъ не сознаётъ) – онъ видитъ возвращѣнный ему крестикъ.

Представить себѣ обстоятельства, когда бы онъ положилъ сюда крестикъ, невозможно. Не-воз-мож-но. А онъ здѣсь.

Надо перекреститься, надо помолиться. Надо поблагодарить.

И за то, что міръ, или міры, есть цѣлое, цѣлое... Цѣлое...